

0-795244



*На правах рукописи*

Снегирев Илья Александрович

**МЕТАФИЗИЧЕСКИЙ СТИЛЬ В ПОЭЗИИ ИОСИФА БРОДСКОГО**

Специальность 10.01.01 – русская литература

**АВТОРЕФЕРАТ**

диссертации на соискание ученой степени  
кандидата филологических наук

Иваново – 2012

**Работа выполнена в ФГБОУ ВПО  
«Владимирский государственный университет им. А.Г. и Н.Г. Столетовых»**

**Научный руководитель:** доктор филологических наук, доцент  
**Половинкина Ольга Ивановна**

**Официальные оппоненты:** доктор филологических наук, доцент  
**Дзущева Наталья Васильевна**  
ФГБОУ ВПО «Ивановский  
государственный университет»

кандидат филологических наук, доцент  
**Волгина Арина Сергеевна**  
ФГБОУ ВПО «Нижегородский  
государственный университет  
им. Н. А. Добролюбова»

**Ведущая организация:** ГОУ ВПО «Московский городской  
педагогический университет»

Защита диссертации состоится 15 марта 2012 г. в 15-00 часов на заседании диссертационного совета Д 212.062.04 при ФГБОУ ВПО «Ивановский государственный университет» по адресу: 153025, г. Иваново, ул. Ермака, д. 37, ауд. 403.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке ФГБОУ ВПО «Ивановский государственный университет»

Автореферат разослан «\_\_\_» \_\_\_\_\_ 2012

НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА КФУ



0000808127

Ученый секретарь  
диссертационного совета,  
доктор филологических наук

Е.М. Тюленева

0- 795244

*На правах рукописи*

**Снегирев Илья Александрович**

**Метафизический стиль в поэзии Иосифа Бродского**

Специальность 10.01.01 – русская литература

**АВТОРЕФЕРАТ**

диссертации на соискание ученой степени  
кандидата филологических наук

Иваново – 2012

Работа выполнена в ФГБОУ ВПО  
«Владимирский государственный университет им. А.Г. и Н.Г. Столетовых»

**Научный руководитель:** доктор филологических наук, доцент  
**Половникина Ольга Ивановна**

**Официальные оппоненты:** доктор филологических наук, доцент  
**Дзудцева Наталья Васильевна**  
ФГБОУ ВПО «Ивановский  
государственный университет»

кандидат филологических наук, доцент  
**Волгина Арина Сергеевна**  
ФГБОУ ВПО «Нижегородский  
государственный университет  
им. Н. А. Добролюбова»

**Ведущая организация:** ГОУ ВПО «Московский городской  
педагогический университет»

Защита диссертации состоится 15 марта 2012 г. в 15-00 часов на заседании диссертационного совета Д 212.062.04 при ФГБОУ ВПО «Ивановский государственный университет» по адресу: 153025, г. Иваново, ул. Ермака, д. 37, ауд. 403.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке ФГБОУ ВПО «Ивановский государственный университет»

Автореферат разослан «\_\_\_» \_\_\_\_\_ 2012 г.

Ученый секретарь  
диссертационного совета,  
доктор филологических наук



Е.М. Тюленева

## ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Поэзия Иосифа Бродского – одно из самых ярких явлений в русской литературе XX века. Свидетельством неослабевающего внимания к его творчеству являются посвященные поэту фильмы, передачи, постоянно издаваемая и переиздаваемая литература мемуарного характера, а также специализированные научные конференции и сборники научных статей. У исследователей творчества Бродского особый интерес вызывает проблема межтекстовых связей в его поэзии, что в значительной мере обусловлено неотрадиционалистскими взглядами поэта на творчество, установкой на «завоевание традиции». Традицию Бродский понимал широко. В его поэзии присутствуют следы влияния русской, английской, польской, испанской, литовской поэзии. На сегодня наиболее исследованным является влияние русской традиции.

Среди англоязычных источников творчества поэта называют поэзию У.Х. Одена, Р. Фроста, Т.С. Элиота, очень часто к ним добавляют английского поэта и проповедника XVII века Джона Донна. Включение имени последнего в число поэтов, «сформировавших» Бродского, было во многом спровоцировано самим Бродским. Его слава началась с «Большой элегии Джону Донну». Стихотворение считается одним из поэтических текстов, наиболее значимых для раннего Бродского, заслуживших похвалу Анны Ахматовой. Название элегии выносилось в заглавие ряда изданий Бродского за рубежом. Как наследник Донна и других английских поэтов–метафизиков поэт позиционировался в предисловии к книге Бродского «Остановка в пустыне», изданной в 1970-м году в Америке. После эмиграции Бродского одним из самых частых вопросов интервьюеров о творчестве стал вопрос о влиянии «школы Донна». Сам Донн занимает в своеобразном литературном пантеоне Бродского такое же место, как Анна Ахматова, Марина Цветаева, Уистен Хью Оден.

Проблема влияния английской метафизической поэзии не раз затрагивалась в научных исследованиях, посвященных творчеству Бродского. Одним из первых на нее указал М. Крепс: «Настоящей школой поэзии для Бродского оказалась не Цветаева и даже не русская поэтическая традиция, а английские поэты–метафизики XVII века: Джон Донн, Джордж Герберт, Ричард Крэншо и Эндрю Марвелл»<sup>1</sup>. О Бродском как о поэте–метафизике писал Дэвид Бетеа (David Bethea) в своей книге «Иосиф Бродский и сотворение изгнания» («Joseph Brodsky and the Creation of Exile», 1994). В статьях «О Джоне Донне и Иосифе Бродском» и «Бродский и метафизическая поэзия» на эту тему высказывался Вяч. Вс. Иванов. Интерес Бродского к поэтам–метафизикам рассматривал как часть общекультурного процесса восприятия барокко и увлечения барочной эстетикой Дэвид Макфаден (David MacFadyen) в своей работе «Иосиф Бродский и барокко» («Josef Brodsky and baroque», 1998). Некоторые текстовые совпадения между стихами Джона Донна и Иосифа Бродского обнаружил А.В. Нестеров в статье «Джон Донн и формирование поэтики Бродского: за пределами “Большой элегии”» (2000).

<sup>1</sup>Крепс М. О поэзии Иосифа Бродского. – СПб.: Звезда, 2007. – С. 24.

Значение английской метафизической поэзии XVII века для поэтического творчества Бродского уже более десяти лет привлекает внимание авторов диссертационных исследований. В частности, факт влияния поэтов–метафизиков и в целом литературы барокко на эволюцию поэзии Бродского периода до эмиграции отмечал в своей диссертации «Поэтическая эволюция Иосифа Бродского в России (1957–1972)» (1996) В. Куллэ. Восприятие поэзии Джона Донна в рамках восприятия Бродским иной языковой традиции является одним из исследовательских сюжетов в диссертациях К.С. Соколова «И. Бродский и У.Х. Оден: К проблеме усвоения английской поэтической традиции» (2003) и Н.С. Гавриловой «Англо–американский мир в рецепции И. Бродского: Реальность, поэзия, язык» (2007).

Особое место в истории научного осмысления проблемы восприятия Бродским английской метафизической поэзии XVII века занимает статья И.О. Шайтанова «Уравнение с двумя неизвестными. Поэты–метафизики Джон Донн и Иосиф Бродский» (1998). В этой статье последовательно (хотя и кратко) раскрывается то, как опыт поэтов–метафизиков проникал в поэзию Бродского – начиная от работы над переводами и заканчивая относительно поздним стихотворением «Горение», которое обнаруживает свою близость к любовным элегиям Донна. Особенно важной представляется сформулированная Шайтановым мысль о том, что Бродский куда более близок метафизикам в своих оригинальных стихах, чем в переводах Донна, которые являют собой скорее первый опыт знакомства с метафизической поэзией.

Шайтанов говорит о «колеблющейся неясности такого определения», как поэт–метафизик, по отношению к Бродскому. Неясность эта вызвана рядом причин. Выражение «поэт–метафизик» впервые встречается у Джордано Бруно по отношению к Филипу Сидни, предшественнику английских метафизических поэтов. Джон Драйден в «Рассуждении касательно первоначального состояния и дальнейшего развития сатиры» («A Discourse Concerning the Original and Progress of Satire», 1693), говоря о поэзии Донна, употреблял слово «метафизика» в значении ироническом и полемическом. Ту же коннотацию имеет выражение «метафизические поэты» в эссе «Жизнь Каули» («Life of Cowley», 1781) Сэмюэля Джонсона. В результате, определение «метафизическая» оказалось закреплено за поэзией «школы Донна», но при этом не несло никакого определенного смысла. Применительно к русской литературе эта неясность только возрастает, так как в русской литературоведческой традиции понятие «поэты–метафизики» возникло относительно недавно и применяется пока несколько сумбурно. По замечанию Крепса, «поэт–метафизик воспринимается по–русски как синоним выражения поэт–философ»<sup>2</sup>. Обычно уточняют, что метафизик – не просто философ, но религиозный философ, а значит, поэт, пилгуший на религиозные темы. Очевидно, подобное понимание термина в немалой степени вызвано основным, аристотелевским значением слова «метафизика». Следование по этому пути, развертывание сюжета «Бродский как религиозный поэт–философ» уводит нас от понимания характера и сущности влияния английской метафизической поэзии на

---

<sup>2</sup>Там же. С. 25.

творчество Иосифа Бродского. Поэтому более продуктивным для изучения поэтики Бродского представляется предложенное И.О. Шайтановым понятие «метафизический стиль». В статье «Метафизики и лирики» исследователь указывает, что «метафизическая поэзия по происхождению понятия и по своей сути – явление преимущественно языковое, стилистическое»<sup>3</sup>. Этот подход соответствует позиции, которую занимал сам Бродский. Он говорил Соломону Волкову: «Разница между метафизиками и неметафизиками в поэзии – это разница между теми, кто понимает, что такое язык (и откуда у языка, так сказать, ноги растут), и теми, кто не очень про это догадывается. Первые, грубо говоря, интересуются источником языка. И, таким образом, источником всего. Вторые – просто щебечут»<sup>4</sup>.

На сегодня термин «метафизический стиль» уже достаточно закрепился в отечественном литературоведении, правда, применительно к поэзии англоязычной. Традиция его употребления по отношению к разновременным поэтическим явлениям восходит к Дж. Данкену и его книге «Возрождение метафизической поэзии. История стиля с 1800 года по наше время» (Duncan J. E. The Revival of Metaphysical Poetry. The History of a Style, 1800 to the Present. Minneapolis, 1959). Данкен распространяет понятие «метафизический стиль» на английскую и американскую поэзию разных эпох, сложившуюся под непосредственным влиянием английских поэтов «школы Донна». В связи с творчеством Иосифа Бродского о метафизическом стиле сказал И.О. Шайтанов.

Перевод вопроса из области поиска отдельных реминисценций в область поэтического языка позволяет как конкретизировать проблему, сведя ее к литературному влиянию, так и расширить область исследования, включив в него многие поэтические произведения Бродского, не содержащие прямых реминисценций к поэзии Донна, Герберта или Марвелла, но близких к ним на уровне стиля. Специфика восприятия Бродским «метафизической» традиции в поэзии является **объектом исследования** в настоящей работе. Метафизический стиль определяется в соответствии с исследовательской традицией, представленной Х. Гарднер, Дж. Данкеном, И.О. Шайтановым. Среди свойств метафизического стиля необходимо назвать сложную метафору–кончетто, остроумно соединяющую «далековатые понятия», переход к «говорному» стиху, «крепкую строку» («strong line»), острую современность языка.

**Актуальность исследования**, с одной стороны, обусловлена тем, что на рубеже XX–XXI веков метафизический стиль в поэзии сделался популярным предметом диссертационных исследований, каковым является и сегодня. Проблема формирования и функционирования метафизического стиля в русской поэзии изучена далеко недостаточно. С другой стороны, актуальность настоящего исследования обусловлена острым интересом к восприятию метафизической традиции И. Бродским и феномену метафизического стиля в его творчестве.

<sup>3</sup> Шайтанов И. О. Дело вкуса: книга о современной поэзии. – М.: Время, 2007. – С. 86.

<sup>4</sup> Волков С. Диалоги с Иосифом Бродским. – М.: Независимая газета, 1998. – С. 292.

**Материалом исследования** является русская поэзия Бродского, сопоставляемая с творчеством поэтов–метафизиков Джона Донна, Джорджа Герберта, Эндрю Марвелла, Томаса Кэрю и др. Дополнительным источником служит эссеистика Бродского, а также его многочисленные интервью, беседы, воспоминания современников.

**Цель** диссертационного исследования состоит в описании и изучении процесса усвоения метафизического стиля и дальнейшей трансформации его как составной части поэтического языка Иосифа Бродского.

Цель исследования определяет его **задачи**:

- исследовать влияние английской метафизической поэзии на творчество И. Бродского;
- исследовать специфику усвоения Бродским метафизической традиции;
- изучить процесс формирования метафизического стиля в поэзии Бродского в его основных этапах;
- выявить основные составляющие метафизического стиля в поэзии применительно к поэтике И. Бродского;
- изучить феномен метафизического стиля в поэзии И. Бродского на материале произведений зрелого периода.

**Методология исследования** основана на работах русской филологической школы и, прежде всего, русских формалистов. Главным источником метода являются работы Ю.Н. Тынянова, при этом учитываются и работы других основоположников формализма, таких как Б.М. Эйхенбаум и В.М. Жирмунский. Наиболее релевантной для настоящего исследования является разработанная формалистами теория литературной борьбы и представление о жанре как о подвижной, смещающейся категории. Так как настоящее исследование посвящено проблеме поэтического языка и стиля, то теоретической базой его является работа Юрия Николаевича Тынянова «Проблема стихотворного языка» (1924). Также плодотворными представляются описанные Тыняновым в статье «Тютчев и Гейне» (1922) понятия «генезис» и «традиция», хотя перенос этих понятий на Бродского и поэтов–метафизиков требует определенной осторожности.

Работа выполнена в русле исторической поэтики. Особое значение для исследования имеет сравнительно–исторический метод, который применяется с опорой на идеи и представления, сформулированные в трудах А.Н. Веселовского.

В понимании метафизического стиля важными являются работы Дж. Данкена, Х. Гарднер, И.О. Шайтанова, О.И. Половинкиной.

В работе с поэтическим текстом задействованы идеи и методы литературного анализа, описанные в стиховедческих и историко–литературных трудах М.Л. Гаспарова.

При анализе творчества Бродского привлекается обширный исследовательский материал как отечественных, так и зарубежных специалистов (В.П. Полухина, Л. Лосев, В. Куллэ, Д.М. Бетза, М. Крепс, К.С. Соколов, Д.

Макфадиев и др.).

**Положения, выносимые на защиту:**

1. Усвоению опыта поэтов–метафизиков способствовала общая ориентация творчества Бродского на традицию, а также характерный для русского литературного сообщества 1960–х годов интерес к англоязычной литературе вообще;

2. Знание Бродским поэзии английских поэтов–метафизиков было весьма обширным и не ограничивалось творчеством двух–трех центральных фигур этого направления;

3. Переводы Джона Донна и Эндрю Марвелла явились для Бродского не ординарной переводческой работой, а творческим поиском русскоязычного стилистического эквивалента, осмыслением композиционных и языковых особенностей английской метафизической поэзии XVII века, и, в конечном итоге, важным этапом формирования метафизического стиля в его творчестве;

4. В переводах Донна, выполненных Бродским, а также поэтических вариациях на темы Донна в качестве стилистического ключа избирается поэтическая традиция, восходящая к поэзии Гаврилы Романовича Державина;

5. Влияние Донна и поэтов–метафизиков не ограничивается только стихотворениями, содержащими отсылки к их творчеству, но стало составной частью оригинального авторского стиля Бродского.

**Научная новизна работы.** Об отдельных элементах метафизического стиля в поэзии Бродского писали И.О. Шайтанов, М.Б. Крепс, К.С.Соколов, Д. Макфадиев. Однако как целостный феномен метафизический стиль в поэзии И. Бродского исследуется впервые. Впервые предпринимается и детальное, с обращением к пометам на полях изданий английских поэтов–метафизиков, изучение выполненных Бродским переводов английской метафизической поэзии, а также реконструкция истории прочтения этих поэтов Бродским.

**Теоретическая значимость** диссертации состоит в том, что она вносит вклад в дальнейшую разработку понятия «метафизический стиль» в поэзии.

**Практическая значимость** исследования заключается в том, что полученные результаты могут стать базой для дальнейшего изучения поэтики Бродского, а также использоваться при разработке вузовских учебных курсов истории русской литературы XX века, истории зарубежной литературы XVII века, анализа поэтического текста, а также спецкурсов и спецсеминаров по истории русской поэзии.

**Соответствие содержания диссертации паспорту специальности, по которой она рекомендуется к защите.** Диссертация соответствует специальности 10.01.01 «Русская литература». Диссертационное исследование выполнено в соответствии со следующими пунктами паспорта специальности: п. 2. История русской литературы XVIII века; п. 4. История русской литературы XX–XXI веков; п. 7. Биография и творческий путь писателя; п. 8. Творческая лаборатория писателя, индивидуально–психологические особенности личности и ее преломлений в художественном творчестве; п. 9. Индивидуально–писательское и типологическое выражения жанрово–стилевых особенностей в

их историческом развитии; п.17. Взаимодействие русской и мировой литературы, древней и новой; п.18. Россия и Запад: их литературные взаимоотношения.

**Апробация диссертации.** Результаты работы докладывались на следующих конференциях: на конференции XXI Пуришевские чтения (Москва, апрель 2009 г.), на конференции «Ссылка в Норенскую в жизни и творчестве Иосифа Бродского» (Коноша, сентябрь 2009), на VIII-й конференции «Художественный текст и культура» (Владимир, октябрь 2009), на конференции XXII Пуришевские чтения (Москва, апрель 2010), на международных юбилейных чтениях «Иосиф Бродский и Россия» (Санкт-Петербург, май 2010), на конференции на международной научно – исследовательской конференции «Иосиф Бродский в XXI веке» (Санкт-Петербург, май 2010), на IX конференции «Художественный текст и культура» (Владимир, октябрь 2011).

**Структура работы** определяется поставленными задачами и исследуемым материалом. Диссертация состоит из введения, двух глав, заключения и библиографического списка, включающего 193 наименования.

## **ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ**

Во **Введении** предпринят краткий обзор истории вопроса, обоснование актуальности и научной новизны выбранной темы, формулируется цель и задачи исследования, определяется теоретико-методологическая база. Поскольку одно из ключевых понятий диссертации – «метафизический стиль», значительная часть введения посвящена этому понятию и истории его употребления.

Первая глава работы посвящена **формированию метафизического стиля в поэзии И. Бродского 1960–х годов.**

В первом параграфе «**Влияние английской метафизической поэзии на творчество И. Бродского: проблема “встречного течения”**» рассматриваются факторы, предопределившие влияние метафизической поэзии на творчество Бродского.

Согласно А.Н. Веселовскому, для всякого влияния необходимо «встречное течение», то, благодаря, чему это влияние становится возможным, воспринимается, становится органичной частью целого. Безусловно, если говорить об усвоения Бродским метафизического стиля, о формировании этого стиля в его творчестве, «встречное течение» необходимо обнаружить. Из всего богатства английской литературы поэты-метафизики были наименее востребованы и освоены русской культурой. Тому, что Бродский обратился именно к этой традиции, способствовало два основных фактора: восприятие Донна как поэта современного по мироощущению и желание, по слову Бродского, «создать эффект непрерывности культуры» за счет противостояния традиции, доминирующей в русской поэзии.

Повторяя общее место модернистских высказываний о Донне, Бродский неоднократно говорил о поразительной современности его поэзии: «Донн со своей проблематикой, с этой неуверенностью, с разорванностью или раздвоенностью, расстроенного сознания – поэт конечно же современный. Его проблематика – это проблематика человека вообще, и особенно человека, живущего во время перенасыщенности: информацией, популяцией»<sup>5</sup>. Это высказывание напоминает знаменитую характеристику английских поэтов–метафизиков, данную им Т.С. Элиотом, который писал в связи с творчеством «школы Донна» о распаде восприятия («dissociation of sensibility»). Очевидно, эта характеристика из статьи «Метафизические поэты» («The Metaphysical Poets», 1922) была знакома Бродскому, так же как и общее направление мысли Элиота – неотрадиционализм, неоклассицизм. На раннем этапе творчества Элиот был значимой фигурой для Бродского, как и для многих других молодых поэтов этого времени. Выбирая традиционалистскую позицию, Бродский следовал за Элиотом, равно как и за Ахматовой или Мандельштамом с его «тоской по мировой культуре». Вероятно, Элиот подсказал и выбор традиции, которую надлежало обрести. Известно, что именно он сделал английскую метафизическую поэзию объектом подражания в XX веке. Хотя важную роль сыграл и взятый из Донна эпиграф к роману «По ком звонит колокол» Э. Хемингуэя, культового автора для России 1960–х годов. Интерес Бродского к Донну, таким образом, был частью общего интереса поколения шестидесятых к западной культуре.

В выборе Донна и английских поэтов–метафизиков присутствовала и ситуация определенного вызова. Обращение к их творчеству было связано с поисками альтернативы традиционному «пушкинскому» направлению в русской поэзии. «Пушкинская» традиция, помимо общепринятости и «канонизированности», не устраивала Бродского своей гармоничностью и музыкальностью, которые порождали «гладкопись» или автоматизм стиха. Его привлекала стилистическая сложность английских метафизических поэтов, трудность восприятия их поэтических текстов как русским, так и английским читателем. Сходным явлением в русской поэтической традиции Бродскому виделся «нетронутый пласт поэзии XVIII века», в которой присутствовала привлекающая поэта шероховатость: «В этой шероховатости, неуклюжести таились свои собственные преимущества, потому что у читателя мысль задерживалась на сказанном»<sup>6</sup>. Для Бродского выражение «поэзия мысли» объединяет английских метафизиков XVII века и русскую поэзию XVIII века.

В эссе и интервью поэт не раз говорил о родственности поэзии английского барокко и русского поэтического XVIII века. Это сближение имеет под собой научное основание. В частности, для XVIII века ключевым является определение Ломоносовым поэзии как «сопряжения далековатых идей». Данное определение близко по своей сути концепции остроумия Бальтасара Грасиана («гармоническое сопоставление двух или трех далеких понятий») и

<sup>5</sup> Бродский И. Большая книга интервью / Сост. В.Полухина. – М.: Захаров, 2007. С. 165.

<sup>6</sup> Там же. С. 151.

английскому понятию wit (остроумие). На это сходство обратил внимание И.О. Шайтанов в статье, посвященной специфике переводов Донна на русский язык. В западном научном сообществе положение о сходстве Донна и Державина общепринято.

В творчестве Бродского усвоение английской метафизической и русской архаической традиции шло параллельно. «Уроки», вариации, подражания английским метафизическим поэтам и русским поэтам XVIII века вошли в сборник «Остановка в пустыне», где «Послание к стихам», написанное как подражание Антиоху Кантемиру, органично соседствует с барочным «Фонтаном» и переводами Донна. Даже стилистическое расстояние между ними гораздо меньше, чем между стихами, написанными до ссылки и после нее. Связано это с тем, что как раз в этот период формируется новая поэтическая манера Бродского, эволюционирует его поэтический язык, претерпевает становление его оригинальная поэтика.

Однако первоначальный интерес к поэтам–метафизикам возник из–за интереса к чужой культуре, открытости чужому слову, привлекательному в силу его необычности. В ранней поэзии Бродского появляется много инокультурных персонажей: «Стихи об испанце Мигуэле Сервете, еретике, сожженном кальвинистами», «Определение поэзии» (с посвящением Федерико Гарсия Лорке), «Витезслав Незвал». Стихи эти возникают из случайного впечатления, отдельной фразы, занимательной истории. В такой же ситуации, из впечатления от эпитафии к роману Эрнеста Хемингуэя возникла «Большая элегия Джону Донну».

Этому стихотворению посвящен второй параграф первой главы **«Истоки восприятия творчества Дж. Донна И. Бродским и “Большая элегия Джону Донну”»**. Репутацией поэта метафизического стиля Иосиф Бродский во многом обязан стихотворению «Большая элегия Джону Донну». Без анализа этого текста трудно себе представить литературоведческое исследование, описывающее рецепцию Бродским англоязычной поэзии. В многочисленных интервью поэт стихотворение также является центром, вокруг которого строится разговор о влиянии Джона Донна. При этом совершенно очевидно как стремление интервьюеров начать разговор о Донне именно с этого произведения, так и стремление Бродского говорить о влиянии Донна вообще – на уровне строфики и композиции. Одно из первых препятствий на пути к пониманию того, какое место в действительности занимает стихотворение в истории восприятия поэтом Донна, – это противоречивые сведения о степени знакомства Бродского с его поэзией и прозой в то время. Нет никаких оснований подвергать сомнению высказывания Бродского о крайне поверхностном знании поэтических текстов Донна на момент создания «Большой элегии...». Все найденные нами свидетельства говорят лишь о наличии такого знания, но никак не о его глубине. Бесспорно лишь подсказанное самим Бродским текстовое заимствование: сравнение жизни с островом, а океана со смертью, которое восходит к фрагменту «Обращения к Господу в час нужды и бедствий» («Devotion upon emergent occasions»),

выбранному Хемингуэем в качестве эпиграфа для романа «По ком звонит колокол». В целом же, влияние творчества Донна на «Большую элегию...» представляется крайне незначительным.

Сомнения не вызывает обращение Бродского лишь к наиболее очевидным фактам биографии Джона Донна – светский поэт, ставший священником, поэт–проповедник, житель острова Британия. Что касается заимствования стиля, поэтического языка, то «Большая элегия...» его не демонстрирует. Ровное и спокойное течение стиха, отсутствие напряжения, проявляющегося в интонации, традиционная строфика, тщательно выдержанный ритм, – все это не совпадает с тем, как влияние метафизического стиля будет проявляться в более поздних произведениях.

Однако интерес к англоязычной поэзии (в том числе, к поэзии и проповедям Донна) становится одной из причин смещения жанра элегии, в этом стихотворении ориентированного на «Осень» Баратынского. Само обращение к Донну – следствие увлечение англоязычной литературой. Изменение жанрового канона происходит как на содержательном уровне (обращение к «английской» теме, подчеркнутый интеллектуализм), так и на формальном уровне (использование «неэлегических» выражений, отсутствие элегических эпитетов и романтической описательности, использование пятистопного ямба для создания эффекта «английскости» стиха).

Подлинное знакомство Бродского с поэзией метафизиков, которое начинается во время ссылки в Норенскую, является предметом исследования в третьем параграфе «**Бродский как читатель англоязычной поэзии. Период ссылки в Норенскую**». Ссылка в Норенскую стала важнейшим этапом в чтении и освоении Бродским метафизической поэзии и становления индивидуального стиля поэта, что неоднократно отмечалось биографами и исследователями его творчества. Сходную оценку этому периоду мы можем найти в интервью самого Бродского, посвященных периоду ссылки или истории знакомства с англоязычной поэзией. Необходимо особо подчеркнуть активный характер восприятия Бродским англоязычной поэзии в этот период. Помимо работы над переводами он создавал вариации на стихи английских поэтов. По свидетельству А. Сергеева, Бродский часто переводил первую и последнюю строки английского стихотворения, подсчитывал количество строк и заполнял середину. Примером подобных вариаций может служить стихотворение «Деревья в моем окне, в деревянном окне...», написанное как вариант стихотворения Р. Фроста «Tree at my window» («Tree at my window, window tree...»).

К периоду ссылки относится важное для творчества поэта основательное знакомство с творчеством Джона Донна. В интервью Игорю Померанцеву он говорит: «В шестьдесят четвертом году я получил свои пять лет, был арестован, сослан в Архангельскую область, и в качестве подарка к моему дню рождения Лидия Корнеевна Чуковская прислала мне – видимо, взяла в библиотеке своего отца – издание Донна в “Modern Library”. И тут я впервые прочел все стихи

Донна, прочел всерьез»<sup>7</sup>. Книгой, которую Бродский получил от Л.К. Чуковской, было собрание стихов и избранных проповедей Донна (Donne J. The Complete Poetry and Selected Prose of John Donne / Ed., with an introd. by Charles M. Coffin. N. Y., 1952). По всей видимости, именно тогда поэт начинает работать над переводами поэтов–метафизиков. Во всяком случае, по воспоминаниям Бродского, В.М. Жирмунский сначала прочел его переводы (Бродский считал, что их ему показала Ахматова) и на основании этих переводов предложил идею тома английских поэтов–метафизиков для серии «Литературные памятники». Анализ переводов Бродского посвящен четвертый параграф первой главы «Переводы метафизической поэзии как этап в освоении метафизического стиля».

Значимость работы над переводами английских поэтов–метафизиков для формирования индивидуального стиля Иосифа Бродского очевидна. Об этом писали М. Крепс, Л. Лосев. Одним из первых обратился к этой проблеме Вяч. Вс. Иванов. И.О. Шайтанов начальный этап формирования метафизического стиля в поэзии Бродского также связывал с работой над переводами Донна. Период работы Бродского над переводами поэтов–метафизиков и активного усвоения их поэтического опыта приходится на 1965–1972 годы. Договор на перевод поэтов английского барокко для серии «Литературные памятники» был заключен по настоянию Дмитрия Сергеевича Лихачева вскоре после возвращения Бродского из ссылки в Норенскую (1965). Подготовка тома к изданию была прервана, когда поэта выслали из страны, о чем он не раз говорил с сожалением в своих интервью. Изучение хранящейся в Музее Анны Ахматовой в Фонтанном Доме<sup>8</sup> библиотеки Бродского в той части, которая была оставлена в СССР перед эмиграцией, и других архивных материалов позволяет не только реконструировать объем работы, который был запланирован, но и зафиксировать факт знакомства поэта с достаточно широким кругом поэтических текстов, написанных английскими поэтами–метафизиками.

Изучение библиотеки Бродского проясняет некоторые темные моменты, связанные с освоением опыта английского барокко: источники текстов, период знакомства с тем или иным поэтом, знание литературоведческих работ, посвященных поэтам–метафизикам. Помимо четырех изданий Донна и одного издания Марвелла основным источником текстов для Бродского служила антология метафизических поэтов под редакцией Хелен Гарднер. Эта антология, впервые выпущенная издательством «Penguin Books» в 1957 году, содержит вступительную статью Гарднер, которая на сегодняшний день признана одной из основных теоретических работ по метафизической поэзии. Здесь подробно описывается история термина «metaphysical poets» и специфика феномена метафизической поэзии, обозначены те черты, которые рассматриваются как конституирующие метафизический стиль в поэзии.

---

<sup>7</sup> Там же. С. 161.

<sup>8</sup> Автор благодарит музей Анны Ахматовой в Фонтанном Доме за предоставленную возможность работать с библиотекой Иосифа Бродского.

При переводе стихотворений Донна поэт часто обращается к высокой, архаической лексике, поэтическому опыту русского XVIII века. Опыт чтения русской поэзии XVIII века стал ключом к решению им вопроса о языковых и стилистических соответствиях. Первая строка стихотворения «Блоха» («The Flea») «MARK but this flea, and mark in this...» (в подстрочном переводе «Заметь эту блоху, и в ней заметь...») переведена с нарочитым использованием высокой лексики: «Узри в блохе, что мирно льнет к стене...». Между тем, в оригинале она производит скорее впечатление спонтанности, остроумного замечания, но никак не пророческого откровения, ассоциирующегося в нашем сознании с глаголом «узри». Но было бы неверно говорить, что Бродский не чувствует остроумия текста Донна. Так, например, слово «льнет», наряду с архаичным звучанием, содержит в себе и эротическое значение – блоха льнет к стене, также как льнут возлюбленные друг к другу. Само употребление архаизмов в сочетании с общей легкостью темы привносит в стихотворение атмосферу игры, которая, однако, не во всем соответствует донновской. Бродский переводит тринадцатый стих «[This flea is] Our marriage bed, and marriage temple is» как «И ложе нам и храм блоха сия». У Донна эта фраза остроумна, но никак не комична, однако будучи выраженной языковым материалом Державина она приобретает комический оттенок. Обращает на себя внимание и разное ритмическое решение первой строки перевода и оригинала. Бродский сохраняет размер стиха, но, если у Донна пятистопный ямб изобилует пропусками, «неправильностями», сверхсистемными ударениями, то ровный ритм перевода напоминает скорее выдержанный пятистопник «Большой элегии Джону Донну», написанной несколькими годами ранее. Позже в своих собственных стихах Бродский будет гораздо ближе к Донну.

Переводы дают возможность понять мучительную сложность поисков стилистических эквивалентов английской метафизической поэзии, не имевшей никаких аналогов в поэзии русской. Помимо использования архаизмов, усложняющих текст, делающих его «темным», сложность мысли в переводе передается с помощью анжамбанов, которые также работают на разрушение автоматизма. Это хорошо заметно в переводе одного из самых знаменитых стихотворений Донна «Прощанье, запрещающее грусть» («A Valediction Forbidding Mourning»). Наряду с переносами способом создания русскоязычного аналога донновского стиха можно считать отход от стандартной русской строфики (катрен с перекрестной рифмой). Интерес Бродского к строфике поэтов–метафизиков подтверждают пометы на полях стихотворений Донна, где Бродский воспроизводит схемы рифмовки. При переводе стихотворения Донна «О слезах при разлуке» («A Valediction: Of Weeping») Бродский работает с фигурной барочной строфикой. Здесь великолепно выдержана и схема рифмовки стиха, и его общий «рисунок». Точно также Бродский сохраняет сложный рисунок и схему рифмовки другого барочного по графике стихотворения Донна – «The Will» («Завещание» в переводе Бродского).

Одной из сложнейших задач, которые приходится решать Бродскому, является поиск адекватного русского выражения для многих понятий, используемых Донном. Так, например, он переводит типичное для начала XVII века выражение «trepidation of the spheres» («колебания сфер») как «небесный свод», видимо ориентируясь на более привычные для русской поэзии представления об устройстве мира. Делая поэзию Донна достоянием русской культуры, Бродский «переводит» не только стиль, но и картину мира, трансформируя и осовременивая метафоры, упрощая понятийный ряд.

Несколько иного подхода требовали переводы из Эндрю Марвелла. Период работы над ними приходится на несколько последних лет пребывания Бродского в СССР\*. В переводе стихотворения «Застенчивой возлюбленной» («To His Coy Mistress») Бродский отчасти реализует характерное для метафизического стиля смешение языка любовной лирики и тем религиозной поэзии с помощью державинской «близости слов неравно высоких». Обращает на себя внимание, например, сочетание высокого архаического «чела» и прозаического «бюста». Кроме того, в переводе Бродский употребляет резко разговорное слово «тыщ» и вводит анжабман, отделяющий «все красоты» от пикантного уточнения – «что ниже». Это создает резкий, иронический эффект, ситуацию остроумного перехода. Бродский таким способом добивается того же эффекта, что и Марвелл – разрушения традиционного представления о высокой, платонической любви. За счет разговорных слов, анажабманов, вводных слов Бродский очень точно воспроизводит стиль Марвелла – стиль спонтанного разговорного рассуждения, сохраняя «пружинящую витальность мысли и фантазии», присущую Марвеллу по мнению английских критиков.

Одним из главных «уроков», который выносит Бродский из работы над переводами, стало овладение сложной метафорой–кончетто. Ученичество это затрагивало не только переводческую деятельность, но и стихотворения, написанные в подражание поэтам–метафизикам, осваивающие характерные для них метафоры. Стихотворениям–вариациям посвящен пятый параграф главы «Работа над созданием метафизического стиля в подражаниях английской метафизической поэзии».

Среди поэтических текстов Бродского, написанных в период с 1965 по 1969 год, выделяется ряд стихотворений, содержащих ярко выраженные реминисценции к поэзии английских поэтов–метафизиков. Заметное место среди них занимает метафора циркуля, восходящая к знаковому стихотворению Джона Донна «Прощание, запрещающее грусть». Она присутствует, как минимум, в четырех стихотворениях Бродского: «Фламмарин» (1965), «Моя свеча, бросая тусклый свет...» (1965), «Прачный мост» (1968) и «Пень без музыки» (1970). Первые два стихотворения написаны во время активной работы над переводами из Донна. В центре стихотворений один и тот же образ – свеча, от которой расходятся две тени. Так воспроизводится ситуация «расставания» как расхождения – двух ножек циркуля Донна, и двух теней,

---

\* Автор благодарит Миханла Исаевича Мильчика за помощь в работе над диссертацией и предоставленный черновой вариант перевода «Глаза и слезы» с автографом Бродского.

порожденных одним источником света у Бродского. С точки зрения формы «Фламмаринон» и «Моя свеча...» произведения переходные и ученические, следующие «школе Донна» скорее тематически. По-иному строится стихотворение «Прачечный мост». Метафора, заимствованная у Донна, здесь предваряет собственную метафору Бродского. Композиционно и строфически это стихотворение делится на две части, в центре каждой из которых лежит своя метафора разлуки, расставания. В первой части Бродский трансформирует циркуль Донна (связанный с пространством) в часы (символ времени). В отличие от ножек циркуля, которые должны встретиться, потому что таковы естественные свойства циркуля, у Бродского стрелки не встретятся вопреки своим свойствам. Часы должны либо остановиться, либо разрушиться. Сама невозможность встречи продиктована общим духом эпохи, ощущением ее трагичности. Бродский в этом стихотворении вполне осваивает метафору Донна, переводит ее в контекст современности. Место циркуля, измеряющего стабильное пространство, занимают часы, измеряющее движущееся время. Подобная трансформация происходит и с ключевой для этого стихотворения метафорой зеркала, которую Бродский помещает во вторую строфу. Подобно Донну, Бродский возвращает стертой метафоре свойства вещи: зеркало конкретизируется до «зеркала, внесенного в дом», обрастает подробностями, деталями.

Другим примером ученичества является своеобразная парафраза стихотворения Герберта «Цветок», стихотворение «Шиповник в апреле», входящее в цикл «С февраля по апрель». Уже само название цикла делает логичным обращение к творчеству Джорджа Герберта, которого часто считают лучшим религиозным поэтом в западной традиции. С февраля по апрель – это время Великого Поста для христиан, ожидания Пасхи и Светлого Воскресения. Тем же высоким темам посвящено и стихотворение Герберта «Цветок».

Бродский меняет «цветок» вообще на шиповник, вызывающий у русского читателя ассоциации с циклом Анны Ахматовой «Шиповник цветет». Цикл этот, был знаком Бродскому, равно как и тот биографический пласт, который стоял за его созданием. Очевидно кардинальное различие между пониманием поэзии в стихотворениях «Цветок» и «Шиповник в апреле». Если у Герберта творчество проистекает из Благодати Божьей, то у Бродского из боли, из преодоления преграды, из осознания собственной смертности, из преобразования собственного праха. Для Герберта источник творчества – осознание собственного бессмертия, для Бродского – осознание собственной смертности. Влияние Герберта оказывается осложнено ахматовским контекстом.

Таким образом, в ряде стихотворений, построенных как вариации на стихи поэтов-метафизиков, происходит уже не воспроизведение, а присвоение стиля, перевод метафоры-кончетто в контекст современного культурного сознания и русской поэтической традиции.

Во второй главе «**Метафизический стиль в зрелой поэзии Бродского**» метафизический стиль в творчестве Иосифа Бродского исследуется как сложившийся феномен.

Первый параграф второй главы называется «**Метафизический текст в поэзии Бродского после 1970 года и поиски авторского стиля**». Начиная с 1970-го года, ряд стихотворений Бродского содержит элементы метафизического стиля и заставляет вспомнить о предшествующем опыте усвоения языка английской метафизической поэзии. Для этих стихотворений характерна своеобразная декларативность, отмечающая важный для Бродского поворот в поэтике. К их числу можно отнести «Пеньё без музыки» и «Разговор с небожителем». Эти поэтические тексты были написаны в 1970 году и вошли в сборник «Конец прекрасной эпохи».

Заглавие стихотворения «Пеньё без музыки» содержит полемическую отсылку к «Песням без слов» («*Romances sans paroles*», 1874) Поля Верлена. Очевидно, что Бродский противопоставляет себя традиции, ориентированной на музыкальность стиха, на музыку как чистую форму. В частности, Бродский противопоставляет свою поэзию русскому символисту Блоку (а с ним и русскому музыкальному символизму), в чьем творчестве многократно отмечали влияние романсной формы. Подтверждает эту мысль первая строка стихотворения: «Когда ты вспомнишь обо мне в краю чужом», содержащая традиционное романсное клише, которое разрушается в следующей строке: «Хоть эта фраза // всего лишь вымысел, а не // пророчество...» На протяжении стихотворения Бродский несколько раз прибегает к этому приему. С другой стороны, для всякого русского поэта отказ от музыкальности в некоторой степени сопряжен с отказом от традиции гармонического стиха, ассоциирующейся с А.С. Пушкиным. С точки зрения Бродского, всплеск модернизма был попыткой возврата или восстановления элементов, утраченных гармонической школой. В интервью французской славистке Анни Эпельбуэн Бродский говорил, что автоматизм стиха «главным образом <...> объясняется музыкальностью»<sup>8</sup>. Отказ от традиции гармонического стиха происходит в пользу «говорного стиха» (термин Б. Эйхенбаума). Нечто подобное когда-то произошло и в поэзии Джона Донна.

В стихотворении «Пеньё без музыки» отказ от традиции гармонического стиха декларируется наравне с ориентацией на поэзию Донна. В качестве доминирующего элемента стихотворения избирается геометрическая метафора, восходящая к «Прощанию, запрещающему грусть». Поэтический текст выстроен как монолог, представляющий собой ее аргументированное развёртывание. На уровне поэтического языка монолог реализован с помощью серии анжабманов, необычной для русского стихосложения системы рифмовки, и привлечения лексики из всевозможных нетрадиционных для русской поэзии областей. Все это создает двойственное впечатление темного, сложного стиля и одновременно разговорности, звучащей речи.

---

<sup>8</sup> Бродский И. Большая книга интервью / Сост. В.Полухина. – М.: Захаров, 2007. С. 152.

В стихотворении «Разговор с небожителем» выражен отказ от типичного для русской поэзии представления о поэте как публичном персонаже, врачевателе нравов. Стихотворение написано типичной для эпохи барокко фигурной строфой. Разностопный ямб работает на динамику стиха, его подвижность, неоднородность. Для поэтов–метафизиков также было характерно использование разностопного ямба в фигурных стихах. Все формальные элементы – лексика стиха, строфа, анажабманы, использование разностопного ямба – работают на создание впечатления разговорности, неровности текста. Лирический герой, подобно Иову, страстно вопрошает Бога, пусть и отсутствующего, по сути воспроизводя ситуацию, в высшей степени характерную для английской метафизической поэзии XVII века.

В стихотворениях «Пенье без музыки» и «Разговор с небожителем» новая позиция поэта обуславливает поиск новых средств выражения, который приводит Бродского к воссозданию в собственном творчестве варианта метафизического стиля.

Во втором параграфе «**Жанр погребальной элегии в творчестве Иосифа Бродского**» исследуется жанровое образование, характерное для всех этапов творческой эволюции поэта и генетически связанное с погребальными элегиями поэтов–метафизиков.

Интерес к погребальной элегии, значение этого жанра для поэтов–метафизиков были обусловлены, помимо ряда других факторов, спецификой метафизического стиля. Сама по себе сложная и парадоксальная задача – пронизать смерть и то, что последует за ней, требовала особого остроумия (в изначальном смысле этого слова) и обращения к парадоксам. Автор элегии действовал как религиозный, так и естественнонаучный опыт. Кроме того, представление о смерти как о браке, где Христос – жених, а душа умершего – невеста, позволяло говорить о смерти, используя выражения элегии не погребальной, но любовной.

Погребальные элегии, обычно озаглавленные «На смерть...» или «Памяти...», занимают значительное место в творчестве Иосифа Бродского. К произведениям, обладающим выраженными жанровыми признаками погребальной элегии, можно отнести «Стихи на смерть Т.С. Элиота» («Остановка в пустыне», 1965), «Памяти Т.Б.» («Конец прекрасной эпохи», 1968), «На смерть друга» («Часть речи», 1973), «На смерть Жукова» («Часть речи», 1974), «Памяти Геннадия Шмакова» («Пейзаж с наводнением», 21 августа 1989 г.), «Памяти Клиффорда Брауна» («Пейзаж с наводнением», февраль 1993). Этот перечень может быть расширен за счет стихотворений «на смерть...», не соответствующих жанровому канону погребальной элегии, таких как «Песенка о Феде Добровольском» («Остановка в пустыне») и «Памяти отца: Австралия» («Пейзаж с наводнением», 1989), а также стихотворений, не вошедших в основные сборники: «Памяти Феде Добровольского» (1960), «На смерть Р. Фроста», «Стихи об испанце Мигуэле Сервете, еретике, сожженном кальвинистами» (1959), «Определение поэзии. Памяти Фредерико Гарсия Лоркн» (1959–1960), и написанной на английском элегии на смерть Роберта

Лоуэлла («Elegy For Robert Lowell»). Обнаружение генетического родства погребальных элегий Бродского с творчеством английских поэтов–метафизиков XVII века позволяет значительно расширить представление о присутствии метафизического стиля в позднем творчестве Бродского. Это еще одно подтверждение того, что влияние поэтов–метафизиков не ограничивалось несколькими общеизвестными заимствованиями. Пристальное «рассматривание» феномена смерти было равно свойственно поэтам «школы Донна» и Бродскому.

В погребальных элегиях Бродского присутствует, в частности, такой элемент метафизической поэзии, как эмблематические образы. Предметная эмблематичность, противопоставленная беспредметным, повторяющимся из стихотворения в стихотворение эпитетам романтической элегии с ее чувством неосязаемой грусти, сохраняется на протяжении всего творчества Бродского. В стихотворении «Памяти Т.Б.» зримый образ героини в воде со склонившимися над ней невшкими сфинксами сопрягается с эмблематической по своему характеру ситуацией: смерть становится загадкой, для тех, кто должен задавать загадки. В отличие от английских поэтов XVII века, Бродский использует в основном не христианские, а античные символы – Лета, Персефона, Парка, сфинксы, при этом египетский сфинкс превращается в греческого. Античное царство смерти эклектически соединяется с Эдемом, Раем, Адом, Отчей любовью и Господией Славой. И если для Донна или Герберта подобная эклектика не характерна, то для русской поэтической традиции стихотворений «На смерть...» вполне естественна. Тем не менее, как показывает анализ стихотворений «Памяти Т.Б.», «На смерть друга», Бродский воспроизводит канонические элементы английской погребальной элегии, хотя в несколько измененном виде.

Как свидетельство рецепции англоязычной традиции погребальных элегий особого внимания заслуживает перевод Бродским «Элегии на смерть леди Мархэм» Донна («Elegie on the Lady Markham»). Поэт стилизует перевод погребальной элегии под русскую поэзию XVIII века, переводя Донна языком Державина. Так, строка Донна «And breaks our banks» (в подстрочном переводе: «И разбивают наши берега») переведена архаичным слогом как «они крушат наш брег» (ср. «Оставил ты сей жизни брег» у Державина). В строке «Несется в океан средь гробовых камней», представляющей собой перевод стиха «Then our land waters (tears of passion) vent», слышится державинское «Как в море льются быстры воды, // Так в вечность льются дни и годы» из стихотворения «На смерть князя Мещерского», которое невероятно высоко ценил Бродский.

Для стихотворения Донна характерно постепенное развертывание мысли, логическое или псевдо логическое обоснование, подобное, тому, что мы можем найти в его проповедях. С развертыванием мысли органично сочетаются дефинитивные высказывания – дефиниция является основным способом построения мысли в схоластике. Бродский при переводе превращает дефиниции Донна в сравнения. Например, донновское «определение» «Tears are false Spectacles» у Бродского превращается в сравнение «Как скверные очки,

рыданий пелена». Сравнение как троп более привычно русской поэтической традиции.

Несмотря на подобное соединение Донна и Державина, а возможно и благодаря ему, перевод, в общем и целом, сохраняет интонацию подлинника – интонацию рассуждения, риторической аргументации. Сохраняется характерное для стихотворения Донна впечатление художника, стремящегося опровергнуть триумф смерти и подбирающего для этой цели самые парадоксальные аргументы. Влияние же Державина возвращает этому стихотворению ощущение монументальности, величия, которое у Донна передается через использование богословских терминов, отсутствующих в переводе Бродского. Так, вместо «tears of passion» («слезы страстей Христовых») мы читаем «потоки скорбных вод». Не переведено выражение «virginity» («девство»), а ключевое в протестантизме понятие «Grace» («Благодать») переведено искаженно как «Добродетель». Очевидно, Бродский опускает этот богословский контекст ввиду его сложности, затемненности для современного русского читателя. Введение в текст архаизмов русского XVIII века компенсируют это опущение. Таким образом, текст скорее выигрывает от подобного небуквального перевода. В качестве классического образца соединения английской и русской традиции в жанре погребальной элегии в диссертации анализируется стихотворение «На смерть Жукова».

В более позднем творчестве влияние английских поэтов–метафизиков становится органической частью собственной манеры Бродского. В этом плане наиболее интересно стихотворение «Памяти Геннадия Шмакова», написанное 21 августа 1989 года. Идея бессмертия, жизни после смерти предстает здесь в осовремененном варианте. Герой погребальной элегии парадоксальным образом оказывается целее после своего распада, разрушения физических связей, чем в то время, когда он жил на земле, подверженный страстям. В пятой строфе стихотворения Бродский дает определение собственным стихам – «мысли вслух». Поэзия рассматривается как акт говорения, что подчеркивается, например, в стихотворении «На смерть Жукова», где строка «...Родину спасшему, вслух говоря» находится в сильной позиции.

Третий параграф второй главы «**Специфика метафизического стиля в позднем творчестве Бродского**» посвящен специфике метафизического стиля в поэтических текстах, уже не содержащих открытых реминисценций к английской метафизической поэзии XVII века, но сохраняющих с ней внутреннюю связь. Бродский не отказывается от тех уроков, которые он вынес из усвоения поэзии Донна, Герберта, Марвелла, в своих поздних произведениях, но сам характер метафизического стиля в стихотворениях Бродского меняется. Исчезает подчеркнутое, декларативное обращение к этой традиции, которое характерно для Бродского начала 1970–х годов. Наследие поэтов–метафизиков вполне усвоено, и потому обнажать эту связь, использовать в своих поэтических декларациях или создавать поэтические вариации на эти сюжеты нет необходимости. Для Бродского это материал

пройденный, но не забытый, напротив, ставший органичной частью его собственного стиля.

Для позднего Бродского, как и для позднего Донна характерны произведения, посвященные теме собственной смерти, попытки ее осознать с помощью поэзии. В «параграфах» «Литовского ноктурна» его комментатор и адресат Томас Венцлова усматривает отдаленное сходство с человеческим телом или его зеркальным отражением, соотнося это сходство с «темами призрака и зеркала, существенными для структуры стихотворения». В другом поэтическом тексте заглянуть за край жизни поэтическая мысль пробует с помощью метафорического образа мухи.

В авторитетных изданиях Бродского стихотворения «Муха» и «Литовский ноктурн: Томасу Венцлова» («Уrania», 1985) оформлены как фигурные. Фигурная строфика «Мухи», наряду с заглавием, отсылает к более раннему стихотворению «Бабочка», заставляя рассматривать эти два стихотворения как парные. А. Ранчин, справедливо обращая внимание на барочный характер «Бабочки», отказывает в этом «Мухе». Однако «неблаговидность» сопоставления как раз и характерна если для всей эпохи барокко, то определено для школы Донна. «Муха» Бродского кажется метафорой куда менее «вызывающей», нежели «Блоха» Донна. Вместе с тем, само выстраивание текста как восхождения от мелких, незначительных деталей к предельным вопросам бытия есть свойство метафизического стиля. Ему же обязаны своим происхождением все эти резкие сопоставления, от констатации, что «только двое нас теперь – заразы // разносчиков» до финальной рифмы «навозу – метаморфозу».

Сопоставимо с «Блохой» и другое позднее стихотворение, «Посвящается стулу». Обращение к стулу возникает в нем как бы спонтанно, случайно, как реплика в разговоре. Такое начало сходно с тем, как начинает «Блоху» Донн. Как в «Блохе» сакральный смысл обнаруживается в абсолютно низком предмете, точно так же Бродский остроумно обнаруживает его в образе стула. Аллюзия на распятие Христа в стихотворении очевидна. Распятие снижается до своего аналога в мире вещей и одновременно оказывается тем самым гвоздем, на котором держится мир. Неслучайно стихотворение начинается с упоминания марта – времени поста и благой вести. Поэтический текст разделен на семь пронумерованных строф, причем четвертая часть начинается со слов: «Четверг. Сегодня стул бы не у дел». Число строф соответствует числу дней в неделе, в сочетании с вышеназванными аллюзиями указывая на Страстную неделю. Добавим, что «стул ваш вертикальностью берет», и это намек на Воскрешение и на особенности христианства как религии, устремленной вверх. И тематически, и по композиции стихотворение оказывается сопоставимым с поэзией английских поэтов–метафизиков. Однако связь эта качественно иная, нежели в стихотворениях периода усвоения их творческого опыта или в первых собственных версиях метафизического текста.

В **Заключении** подводятся итоги работы, обобщаются ее результаты, излагаются основные выводы и положения, которые были сформулированы в ходе

исследования. Из всех качеств метафизической поэзии Бродский более всего воспринял ритмическую сжатость стиха, близость к разговорной речи, нарушение размера, стечение непронизносимых согласных, то, что называется «мужским стихом Донна». Кроме того, его поэзия отличается остроумием в значении, которое придавал этому понятию XVII век, насыщена сложными метафорами, эмблемами, ей свойственны стилистические перепады от высокого к низкому, вовлечение в стихотворение понятий, принадлежащих к самым различным сферам – от научных терминов до разговорной лексики.

**Основные положения диссертации отражены в следующих публикациях:**

**1. Снегирев И.А. Донн и Державин в восприятии Бродского // Знание. Понимание. Умение. – 2010. – №4. – С. 154–156 (0,3 п.л.).**

**2. Снегирев И.А. Формирование метафизического стиля в поэзии И. Бродского: «Большая элегия Джону Донну» // Проблемы истории, филологии, культуры. – 2011. – №1. – С. 233–238 (0,5 п.л.).**

**3. Снегирев И.А. Английские метафизические поэты в переводах Иосифа Бродского // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. Филология и искусствоведение. – 2011. – №2(2). – С. 170–175 (0,8 п.л.).**

**4. Снегирев И.А. Письма римскому другу: особенности реминисценций в поэзии Иосифа Бродского // Педагогическая мастерская № 3. – Владимир, 2009. – 41–45 (0,4 п.л.).**

**5. Снегирев И.А. Музыкальность стиха Иосифа Бродского // XXI Пуришевские чтения: сборник статей и материалов международной конференции – М., 2009. – С. 187 (0,1 п.л.).**

**6. Снегирев И.А. Жанр погребальной элегии в творчестве Иосифа Бродского // Жанр и его метаморфозы в литературах России и Англии. Материалы международной научной конференции «Художественный текст и культура» VIII и XIX международной конференции преподавателей английской литературы 1–3 октября 2009 г. – Владимир: ВГГУ, 2010. – С. 280–284 (0,4 п.л.).**

**7. Снегирев И.А. Идея поэтического бессмертия в погребальной элегии Иосифа Бродского // XXII Пуришевские чтения: «История идей в жанровой истории». – М., 2010. – С. 135 (0,1 п.л.).**

**8. Снегирев И.А. Бродский и русская поэзия XVIII века // «Иосиф Бродский XXI веке: материалы международной исследовательской конференции Санкт–Петербург. 20–23 мая 2010 г.». – СПб., 2010. – С. 31–35 (0,3 п.л.).**



Подписано в печать 07.02.12г. Формат 60x84/16  
Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура «Таймс».  
Усл. п.ч. 1.19. Заказ 327. Тираж 100 экз.

Отпечатано с готового оригинал- макета  
в АНО «Типография на Нижегородской»  
600020, Б. Нижегородская, 88-Д.  
Тел.(4922) 322 161



**Подписано в печать 07.02.12г. Формат 60x84/16  
Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура «Таймс».  
Усл. п. ч. 1.19. Заказ 327. Тираж 100 экз.**

**Отпечатано с готового оригинал- макета  
в АНО «Типография на Нижегородской»  
600020, Б. Нижегородская, 88-Д  
Тел.(4922) 322 161**

102